

Прямой эфир

Два танка выкатились на середину моста и там затормозили, качнувшись и клюнув носом, словно деревянные лошадки. Не мешкая, обе башни начали разворачиваться влево к огромному светлomu зданию, потом замерли, как бы приплюхиваясь своими орудийными стволами. Картинка была нечеткой, мешал утренний туман, впрочем, нет, не туман, там что-то горело впереди, заволакивая перспективу. Вдруг танки беззвучно дернулись, выплюнув каждый серое облачко дыма, и тут же на стене Белого дома распустились цветки разрывов.

Д-У-У-У-Х-Х-Ф-Ф-Ф!!! — донеслось через пару секунд со стороны Нескучного сада. И сразу злым двойным ударом в мембрану оконного стекла: ТУ-ДУМ-ТУДУМ!!!

Бутылки с полиглюкином на средней полке шкафа задрожали мелкой дрожью, сбившись в кучу и стукаясь друг о друга.

— Ох, ничего себе! — не выдержал кто-то из ординаторов. — Боевыми стреляют!

— А ты как хотел, — мрачно произнес анестезиолог по фамилии Гребенкин, — чтоб они праздничный салют устроили?

Я тут же вспомнил, как мой Рома, когда был совсем маленьким, при первых залпах салюта всегда норовил спрятаться в укромное место. В шкаф или в кладовку.

— Тише, больного разбудите, черти! — показав пальцем на еще спящего в остатках наркоза мужика, негромко сказал доцент Матушкин.

— Сейчас его и без нас разбудят! — кивнул в сторону телевизора Гребенкин. — Да и хватит спать, война началась!

— А я еще вчера говорила, что нужно койки освободить и всех, кого можно, выписать! — оглянулась на всех Людмила, старшая операционная сестра. — Теперь уж поздно, пусть лучше здесь побудут.

Да, правильно, пусть здесь переждут. Больница не самое плохое место, когда в городе начинаются военные действия и прочие катаклизмы. Два года назад, голодной осенью девяносто первого, буфетчица нашего роддома, возмущаясь отсутствием аппетита у рожениц, наваливала им полные миски каши и орала: “Жрите кашу, жрите, дуры! Ведь там, — она тыкала огромным черпаком в сторону окон, — ведь там не будет!”

— Ого, смотри-ка, БТРы пошли! — воскликнул ординатор второго года Коля Плакаткин. — На БТРах

клевый пулемет стоит, КПВТ называется, дом насквозь прошить может!

Коля так воодушевился этим клевым пулеметом, что подскочил и стал тыкать пальцем в экран, полностью перекрыв всем обзор. Только я что-то еще видел, потому как стоял очень удобно, за спинкой койки: телевизор находился как раз напротив. На Плакаткина тут же зашикали, и он отошел. Где-то там, за окном, раздались отголоски пулеметной очереди.

В крохотную палату послеоперационного отделения с маленьким телевизором на холодильнике набилось человек пятнадцать. Здесь, в урологическом корпусе Первой Градской, это отделение гордо называлось “реанимацией”. Наверное, для тех, кто настоящую реанимацию не видел.

— Эти коммунисты сами хороши! — вдруг зло сказала Людмила. — Помните, когда в мае на проспекте заваруха случилась? Тогда еще омовца грузовиком задавили. Так потом двое прибежали к нам с разбитыми головами и давай по матери всех крыть, перевязку требовать. Мы, говорят, из “Трудовой России”, за вас, суки, кровь проливаем. А главное, поддатые оба. А я не выдержала и одному, самому борзому, отвечаю: ты на себя посмотри, чмо болотное, кто еще из нас сука! “Трудовая Россия” — она трудиться должна, а не по пьяной лавочке на митингах горлопанить! Они сразу хвост-то и поджали, притихли. Конечно, потом перевязала их, мне ж не трудно.

— Похоже, они горлопанить закончили! — хмыкнул Гребенкин. — Нынче эти ребята к решительным

действиям перешли. Видели, как вчера мэрию захватили? Как они там людей избивали? На Смоленке вообще нескольких милиционеров убили. Хорошо хоть с телевидением у них номер не прошел. Слышал, неплохо их там шуганули!

— Говорят, у Останкина человек сто постреляли, если не больше! — сообщил похожий на боксера-легковеса Саня Подшивалко. — Ну и жизнь, без бронжилета на улицу не выйдешь!

— Такому крутому парню, как ты, Сашок, никакой бронжилет не нужен! — пошутил Плакаткин. — Тебя можно с голыми руками на танки посылать!

Все заржали, отчего послеоперационный мужик заворчался и что-то промычал.

— Чего веселитесь? — решил призвать всех к порядку Матушкин. — Смотрите, что творится, наверняка сейчас к нам навезут — мало не покажется! Кто дежурит-то сегодня?

— Да вот, господин Моторов! — кивнул на меня мой напарник по палате, здоровенный Игорек Херсонский. — Держись, Леха! Когда вам трудно — мы рядом!

Игорек всегда, даже с больными, разговаривал рекламными текстами, чем успел всех основательно достать.

— А вторым кто? — спросил Матушкин, потому как урологи дежурят всегда по двое.

— Витя Белов! — вздохнул я. Витя был неплохим парнем, работать с ним было нормально, если только он на дежурстве не поддавал. Тогда он превращал-

ся в полного дурака, и следить за ним нужно было в оба. Для меня оставалось загадкой, мобилизуют ли сегодняшние события Виктора Андреевича или, наоборот, расслабят.

— Ты не давай ему до киоска бегать, — словно услышав мои мысли, посоветовал Матушкин. — Не время сейчас, да и подстрелить могут.

Я представил себе, как Витя ползет под обстрелом к корпусу, вместо коктейля Молотова в каждой руке сжимает по бутылке паленой водки, а танковые снаряды ложатся все ближе.

— Вчера, от тещи ехал, видел в метро на “Пушкинской” патруль баркашовский. Пятеро, свастика у каждого на рукаве, — поделился врач третьей палаты Чесноков. — Документы у пассажиров проверяли. То ли евреев искали, то ли еще кого.

— Докатились! Гестаповцы по Москве разгуливают! — произнес Гребенкин. — Хорошо, ничего не скажешь, этот говенный Верховный Совет, если его фашисты охраняют! Там, похоже, вся мразь собралась. Ну, ничего, сегодня их как крыс передавят!

— А я читал, баркашовцы вроде за русских людей, — шмыгнув носом, неуверенно сказал Саня Подшивалко. — Они только против мирового сионизма.

— Ты, Саня, явно с головой не дружишь, — заявил Гребенкин. — Нельзя быть за русских людей — и со свастикой. Из-за таких вот, со свастикой, половина пацанов моего поколения без отцов остались. Я считаю, если в нашей стране свастику нацепил — то можно сразу без суда и следствия к стенке ставить.

— Да там не только они, там и казаки! — нахмурился Херсонский. — Казачков-то за что? Казачки они всегда верой и правдой!

— Игорь, что ты несешь? Какие казачки? Нету никаких казачков. Их всех еще в гражданскую порезали, — раздраженно сказал Матушкин. — Сейчас не казаки, а урки ряженные, алкашня, клоуны в лампасах. А им еще, этим придуркам, автоматы выдали.

— Это Ельцин во всем виноват! — раскрасневшись, выпалила Людмила. — Ему народ доверился, а он, говорят, только и делает, что ханку жрет!

Послеоперационный больной при упоминании Ельцина приоткрыл на мгновение глаза, мутным взглядом мазнул по экрану телевизора, где в прямом эфире продолжались боевые действия, и снова задремал.

— Да ладно тебе, Людка, — примирительно сказал Чесноков. — Ельцин нормальный мужик. А раньше что, лучше было? Ты ж сама коммунистов не жалуешь!

— Раньше, Володь, из пушек по домам не палили, — отрезала Людмила, — и по телевизору это безобразия на всю страну не показывали!

И как бы подтверждая справедливость ее слов, опять за окном раздалось упругое ТУДУМ-ТУДУМ-ТУММ!!!

Все дружно уткнулись в телевизор. Один из верхних этажей Белого дома горел, и оттуда валил черный дым. Танков стало уже четыре, да и бронетранспортеров прибавилось. Какие-то люди в военном и гражданском разбежались кто куда.

Тут оператор дал крупный план набережных. Людка всплеснула руками, Чесноков ахнул, Саня Подшивалко открыл рот, Херсонский присвистнул, а Коля Плакаткин произнес негромко: “Едрена матрена!”

По обе стороны реки, буквально рядом со стреляющими танками, толпились зеваки. Среди сотен, если не тысяч любопытных я успел рассмотреть несколько мамаш с детскими колясками, женщин с собачками на поводке, старушек с сумками на колесиках и даже парочку велосипедистов.

— Нет, ну действительно! Край непуганых идиотов! — потрясенно развел руками Матушкин. — Они, оказывается, в цирк пришли! Да, сегодня работы много будет. Мне рассказывали, если в Америке перестрелка случается, все в радиусе километра на землю падают и руками голову прикрывают! Даже негры!

Протиснулся Дима Мышкин, под расстегнутым халатом какой-то уж совсем невероятный пиджак, подаренный, как и многое другое, старшим братом-банкиром.

— Мне тут на пейджер сбросили, что за сегодня доллар на сто рублей подорожал! — поправив красивые дымчатые очки, с важным видом оповестил всех Дима и зачем-то посмотрел на свой золотой “Ролекс”. — Кто успел бабки в баксы перевести, неслабо наварить сможет.

— Да чокнулись все на этих баксах! — с осуждением зыркнула на Мышкина Людка. — Только везде и слышишь: “Баксы, баксы...”

— П-и-и-и-и-и-ть! — слабо простонал послеоперационный больной. Все на какое-то мгновение притихли, а Людмила принялась смачивать ему губы марлечкой, намотанной на ложку.

За окном опять гулко ударило, на этот раз особенно сильно.

— Совсем сдурели! — чуть не выронив ложку, возмутилась Людмила. — Они бы еще бомбить начали!

Тут дверь распахнулась, и заведующий мужским отделением Маленков, не обращая внимания на телевизор, громко спросил:

— Моторов здесь?

— Здесь, Владимир Петрович! — выглядывая из-за огромной спины Херсонского, отозвался я.

— Ты вот что, командир! — фирменным окающим говорком приказал Маленков. — Давай-ка ноги в руки и бегом в хирургический корпус! Там в операционной паренек лежит, его менты здорово побили. Сейчас брюхо вскрыли, оказалось, что мочевого пузырь ему в лоскуты разнесли. Помоги хирургам, а главное, катетер Петцера захвати, а то у них своих нет! Переоденешься прямо там, пижаму тебе выдают! Если что — звони!